

Тит ЛИВИЙ

ТИТ ЛИВИЙ

ИСТОРИЯ РИМА
ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

Все книги в одном томе

2017
МОСКВА

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Л55

Оформление серии *О. Горбовской*

Ливий, Тит.

История Рима от основания города. Все книги в одном томе / Тит Ливий ; [пер. с лат. П. Андрианова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 1344 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-99916-3

Древний историк Тит Ливий оставил потомкам великую книгу о Вечном городе Рима. В распоряжении Ливия был богатейший материал разной степени достоверности и художественности. Основные сведения об официальной жизни города он черпал из летописей жрецов-понтификов, а также охотно использовал многочисленные «анналы» и исторические сочинения греческих и римских авторов, дошедшие до нас по большей части в отрывках. Итогом его многолетнего труда стала книга, которая и поныне остается блестящим памятником эпохи — и читается с неослабевающим интересом.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-699-99916-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

КНИГА I

Прибытие Энея в Италию и его деяния (1–2). Царствование в Альбе Аскания, а затем Сильвиев (3). Рождение Ромула и Рема (4). Основание Рима (5–7). Учреждение сената (8). Война с сабинянами (9–13). Деление народа на курии (13). Победа над фиденянами и вейянами (14–15). Апофеоза Ромула (16). Религиозные учреждения Нумы Помпилия (17–21). Тулл Гостилий опустошил Альбанскую область; бой Горациев и Куриациев (22–26). Измена и казнь Метия Фуфетия (27–28). Разрушение Альбы (29). Победа над сабинянами (30). Смерть Тулла (31). Анк Марций победил латинов и основал Остию (32–33). Прибытие в Рим Лукумона (34). Воцарение Тарквиния Древнего; его победы и сооружения (35–38). Чудо над Сервием Туллеем (39). Убиение Тарквиния и воцарение Сервия Туллия (40–41). Победа над вейянами; деление народа на разряды; сооружение храма Дианы (42–45). Смерть Сервия Туллия (46–48). Воцарение Тарквиния Гордого; убийство Турна Гердония (49–52). Война с вольсками; разграбление Габий (53–54). Сооружения на Капитолии (55–56). Осада Ардеи; смерть Лукреции и изгнание царей (57–60).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будет ли стоить труда, если я напишу историю римского народа с основания города, твердо не знаю, да если бы и знал, то не решился бы сказать: дело в том, что предприятие это, как я вижу, и старое, и многими испробованное, причем постоянно появляющиеся новые писатели думают или привнести нечто новое со стороны фактической, или превзойти суровую древность искусством изложения. Как бы то ни было, все же приятно будет и мне, по мере сил, послужить увековечению деяний первого народа на земле; и если имя мое в такой толпе писателей останется в тени, то я стану утешать себя славой и величием соперников. Кроме того, дело это большого труда, так как приходится воспроизводить события более чем за семьсот лет, и притом из жизни государства, начавшего с малого и возросшего до того, что величина его становится ему уже в тягость; наконец, большинству читателей, несомненно, доставит мало удовольствия история возникновения города и ближайших к тому событий; они ведь спешат ознакомиться с той недавней порою, когда силы чересчур могучего народа уже давно истребают сами себя. Я же буду вознагражден также и тем, что отвернусь от переживаемых нами в течение стольких лет бедствий хоть на то время, пока всеми силами моей души буду занят воспроизведением тех древних событий; тут я не буду испытывать никакой тревоги, которая если и не в состоянии от-

6 клонить ум писателя от истины, то все же может беспокоить его.

Я не намерен ни утверждать, ни опровергать известия о событиях, предшествовавших основанию, или, вернее, мысли об основании города; все они более изукрашены поэтическими вымыслами, чем опираются на несомненные исторические памятники: древности дозволяется освящать начало городов, примешивая божественное к человеческому. И если какому народу должно дозволить освятить свое возникновение и приписать его богам, то римский народ приобрел это право своей воинской доблестью, и народы, переносящие-де власть его, должны столь же безропотно сносить, когда он называет своим родоначальником и родителем основателя своего города не кого иного, как Марса. Я не придаю, конечно, особенного значения тому, как взглянут и оценят это и ему подобные известия; для меня важно, чтобы каждый внимательно проследил, какая была жизнь, какие нравы, какие люди и какими средствами в мирное и военное время приобрели и увеличили могущество государства; пусть он затем проследит, как нравственность, с постепенным падением порядка, начала колебаться, как она затем все более и более стала клониться к упадку и наконец рухнула; таким образом, мы дошли до настоящего положения, когда уже не можем выносить ни пороков, ни средств против них. В этом-то и состоит нравственная польза и плодотворность изучения истории, что примеры всякого рода событий созерцаешь точно на блестящем памятнике, отсюда можно взять и для себя, и для своего государства образцы, достойные подражания, тут же найдешь и позорное начало, и позорный конец — чего следует избегать.

Впрочем, или меня обманывает любовь к предпринятому труду, или действительно никогда не существовало государства более великого, более нравственного, более богатого добрыми примерами; государства, в которое бы столь поздно проникли жадность и роскошь и где бы дольше оказывался столь великий почет бедности и воздержанию. Ибо чем меньше было средств, тем меньше гонялись за ними; только недавно богатства породили жадность, а обилие в удовольствиях — страсть губить все роскошью и распутством.

Но пусть хоть начало столь великого предприятия свободно будет от жалоб, которые и тогда не будут приятны, когда их, быть может, нельзя будет избежать. Если бы у нас, как у поэтов, это было в обычае, то мы гораздо охотнее начали бы с добрых предзнаменований, с обетов и молитв богам и богиням, чтобы они даровали счастливый успех приступившему к столь великому делу.

1. Прежде всего, достаточно хорошо известно, что за взятием Трои последовала свирепая расправа над всеми троянцами; только к двум, Энею и Антенору, ахейцы вовсе не применили права войны вследствие старинного гостеприимства и вследствие того, что они постоянно советовали помириться и вернуть Елену. Затем, после разных приключений, Антенор прибыл в самый отдаленный залив Адриатического моря с горстью энетов, которые за мятеж были изгнаны из Пафлагонии и, лишившись под Троей царя Пилемена, искали вождя и места для поселения; прогнав еванеев, живших между морем и Альпами, энецы и троянцы завладели этой землей. Место, где они высадились в первый раз, называется Троей, а оттуда и область носит имя Троянской; народ же весь назван венетами.

Эней, бежавший вследствие той же беды из отечества, но пред- назначаемый судьбою для более великих начинаний, сперва при- был в Македонию, оттуда, ища места для поселения, занесен был в Сицилию, а из Сицилии прибыл со своими кораблями к Лаврентской области. И это место также зовется Троей. Выйдя здесь, троянцы, как люди, у которых после чуть не бесконечного блуждания не осталось ничего, кроме кораблей и оружия, захватили находившийся на полях скот; тогда царь Латин и аборигены, владевшие тогда теми местами, сбежались с оружием в руках из города и с полей, чтобы отразить нападение пришельцев. О последующем существует двоякое предание: по одному — Латин, проиграв сражение, заключил с Энеем мир, а затем и породнился с ним; по другому — когда оба войска стояли готовыми к битве и, прежде чем подан был сигнал, из толпы старейшин выступил Латин и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Затем он спросил, что они за люди, откуда и по какому случаю ушли из дому и чего ради высадились в Лаврентской области; услышав, что народ — троянцы, а вождь их — Эней, сын Анхиза и Венеры, что бежали они с родины после сожжения отечественного города и ищут места для поселения и основания нового города, — Латин, дивясь знатности народа и вождя и готовности их помириться или сражаться, укрепил будущую дружбу рукопожатием. Затем вожди заключили договор, а войска приветствовали друг друга; Эней стал гостем Латина, а затем перед пенатами Латин скрепил союз политический домашним, выдав за Энея дочь свою. Это обстоятельство окончательно укрепило в троянцах надежду, что их блуждания наконец-то кончились и они нашли постоянное и прочное место для поселения. Они основывают город, и Эней по имени супруги называет его Лавинием. Немного спустя у молодых супругов родился сын, которого родители назвали Асканием.

2. Затем аборигены и троянцы одновременно подверглись нападению. Царь рутулов Турн, за которого до прибытия Энея просватана была Лавиния, оскорбленный предпочтением пришельца, напал на Энея и Латина. Оба войска вышли из битвы с ущербом: рутулы были побеждены, а победители — аборигены и троянцы — потеряли вождя Латина. Тогда Турн и рутулы, не доверяя своим силам, искали защиты у известных своим могуществом этрусков и царя их Мезенция, повелевавшего Церой, сильным в то время городом. Уже с самого начала он был недоволен возникновением нового города; тогда же, считая, что силы троянцев растут гораздо быстрее, чем то позволяет безопасность соседей, он охотно соединил свое оружие с оружием рутулов.

Эней, желая, ввиду столь грозной войны, привлечь к себе сердца аборигенов, назвал оба народа латинами, для того чтобы все имели не только одни законы, но и одно имя. И с тех пор аборигены не уступали троянцам в усердии и преданности царю Энею. Надеясь на мужество двух народов, со дня на день более и более сближавшихся друг с другом, Эней вывел войска в поле, хотя слава могущества Этрурии разнеслась не только по земле, но и по морю, вдоль всей Италии — от Альп до Сицилийского пролива, и хотя он имел возможность защищаться в стенах. Последовавшее сражение было удачно для латинов, а для Энея оно было и последним подвигом. Погребен он у реки Нумик; как подобает именовать Энея, я не знаю, зовут же его Юпитером Родоначалником.

8   3. Сын Энея, Асканий, не достиг еще того возраста, чтобы вступить во власть, но царство осталось нетронутым, пока он не возмужал; латинское государство, царство его деда и отца, охраняемое женщиной, уцелело; такой способной женщиной была Лавиния! Я не стану спорить (да и кто решится говорить с полной уверенностью о столь древнем событии!), был ли это тот Асканий или другой, старший, родившийся от Креусы еще во время существования Илиона, сопровождавший отца в бегстве, — словом, тот, которого под именем Юла род Юлиев считает своим родоначальником. Этот-то Асканий — все равно, где и от какой бы матери он ни родился (во всяком случае достоверно, что он был сыном Энея), — вследствие избытка в населении оставил цветущий по тому времени город матери (или мачехи), а сам основал у подошвы Альбанской горы новый город, который назвал Альбой Лонгой, так как он тянулся вдоль горного хребта. Между основанием Лавиния и выведением колонии в Альбу Лонгу прошло почти тридцать лет, тем не менее могущество государства, особенно после поражения этрусков, возросло до того, что ни после смерти Энея, ни во время управления женщины, ни даже в первые годы царствования юноши ни Мезенций с этрусками, ни другие какие соседи не рискнули поднять оружия. По мирному договору границей между этрусками и латинами стала река Альбула, именуемая теперь Тибром.

Затем царствовал сын Аскания Сильвий, по какому-то случаю родившийся в лесу. У него был сын Эней Сильвий, а у того — Латин Сильвий. Он вывел несколько колоний, которые получили название «Древние латины». Затем за всеми царями Альбы осталось прозвище Сильвиев. У Латина был сын Альба, у Альбы — Атис, у Атиса — Капис, у Каписа — Капет, у Капета — Тиберин, который утонул, переплывая Альбулу, получившую от того славное впоследствии имя Тибр, затем царствовал Агриппа, сын Тиберина, после Агриппы — Ромул Сильвий, принявший власть от отца; он поражен был ударом молнии; ему непосредственно наследовал Авентин; тот был погребен на холме, получившем от него имя и составляющем ныне часть Рима, затем царствовал Прока. У него были сыновья Нумитор и Амулий. Старинное царство Сильвиев завещано было Нумитору как старшему сыну. Но сила оказалась выше воли отца и права старшинства: прогнав брата, воцарился Амулий; к одному злодеянню он присоединил другое, умертвив сына брата; дочь же брата, Рею Сильвию, он лишил надежды на потомство, сделав ее под видом почести весталкой и обязав, таким образом, вечно оставаться девой.

4. Но, я полагаю, столь сильный город и государство, уступающее лишь могуществу богов, обязано было своим возникновением соизволению судьбы. Когда изнасилованная весталка родила близнецов, то она объявила отцом этого безвестного потомства Марса или потому, что верила в это, или потому, что считала более почетным выставить бога виновником своего преступления. Однако ни боги, ни люди не в силах были защитить ее и детей от жестокости царя: жрица в оковах была брошена в тюрьму, а детей приказано было выбросить в реку. Но по воле рока Тибр выступил из берегов и образовал болота, так что нигде нельзя было подойти к настоящему руслу его; вместе с тем посланные надеялись, что дети потонут хоть и в стоячей воде. Итак, считая себя исполнившими повеление царя, они бросили детей в ближайшую лужу, где теперь находится Руминальская смоковница (говорят, что

она называлась Ромуловой). В тех местах был тогда обширный пустырь. Существует предание, что, когда плавающее корыто, в котором были выброшены мальчики, после спада воды осталось на сухом месте, жаждающая волчица, шедшая из окрестных гор, направилась на плач детей. Она с такой кротостью припала к ним и кормила их грудью, что главный царский пастух, называвшийся, по преданию, Фавстулом, нашел ее лижущей детей. Последний принес их домой и отдал на воспитание жене своей Ларенции. Некоторые полагают, что Ларенция за распутство называлась среди пастухов *lupa*, и это послужило основанием удивительной сказки. Так родились они и так воспитались; когда же подросли, то, не оставаясь без дела в хижине пастуха или около стад, они, охотясь, бродили по лесам. Укрепившись среди таких занятий телом и духом, они не только преследовали зверей, но и нападали на разбойников, обремененных добычей, делили награбленное между пастухами и с этой со дня на день увеличивавшейся дружиной занимались и делом, и шутками.

5. Уже в то время существовало, по преданию, совершаемое и ныне празднество Луперкалий на горе Палатинской, называвшейся сперва от имени аркадского города Паллантия Паллантейской, а потом Палатинской. Там Евандр, родом аркадянин, много лет раньше живший в тех местах, установил взятое из Аркадии празднество, состоявшее в том, что нагие юноши бегали, сопровождая шутками и весельем поклонение Пану Ликейскому, переименованному впоследствии римлянами в Инуя. Этот праздник стал известным; и вот, когда они предавались играм, разбойники, раздраженные потерей добычи, устроили им засаду; Ромул отбил ее, а Рема они захватили, немедленно представили царю Амулию и сами же еще стали обвинять его. Главное обвинение состояло в том, что братья нападают на поля Нумитора и с шайкой юношей угоняют оттуда скот, точно неприятели. Вследствие этого Рем был передан Нумитору для наказания.

Уже с самого начала Фавстул подозревал, что у него воспитываются царские дети; он знал, что они выброшены по повелению царя; совпадало и время, когда он нашел их; но, не уверившись окончательно, он не хотел открывать этого, разве выпадет случай или принудит необходимость. Необходимость явилась раньше. И вот под влиянием страха он открывает все Ромулу. Случайно и Нумитор, содержа под стражей Рема и слыша о братьях-близнецах, вспомнил о внуках, сопоставляя их возраст и характер пленника, вовсе не похожего на раба. Путем расспросов он пришел к тому же результату и почти признал Рема. Таким образом, царю со всех сторон куются козни. Ромул, не считая возможным действовать открытой силой, нападает на царя не с шайкой юношей, а приказав каждому пастуху своей дорогой явиться к определенному времени около дворца, со стороны же жилища Нумитора является на помощь Рем, приготовив другой отряд. Так они убивают царя.

6. Нумитор в начале суматохи, заявляя, что неприятели вторглись в город и напали на дворец, отозвал альбанскую молодежь для защиты крепости; когда же увидел, что братья, умертвив царя, идут к нему с приветствием, тотчас созывает собрание, выставляет на вид преступление брата против него, указывает на происхождение внуков — как они родились, как воспитались, как были узнаны, затем — как был убит тиран и объявляет, что он виновник этого. Юноши, стройно выступив на средину собрания, приветствовали деда

10 царем, а последовавшие единодушные восклицания толпы закричали за ним царское имя и власть.

Предоставив таким образом альбанское царство Нумитору, Ромул и Рем пожелали основать город в тех местах, где были выброшены и воспитаны. К тому же был избыток в альбанском и латинском населении; к ним присоединились пастухи, а это все вместе, естественно, подавало надежду, что и Альба, и Лавиний будут малы в сравнении с тем городом, который собирались основать. Но затем в этом сказалось вредное влияние дедовского зла — страсти к царской власти, следствием чего был позорный бой, возникший из-за довольно маловажного обстоятельства. Так как братья были близнецы и нельзя было решить дела на основании уважения к старшинству, то Ромул избирает Палатинский, а Рем — Авентинский холм для гадания, чтобы боги, покровители тех мест, указали знаменами, кому дать имя новому городу и кому управлять им.

7. Рассказывают, что знамение — шесть коршунов — явилось ранее Рему, и оно уже было возведено, как Ромулу явилось двойное число; и вот того и другого окружающая толпа приветствовала царем: одни требовали царской власти для своего вождя, основываясь на времени появления птиц, другие — на числе их. Поднялась брань, а вызванное ею раздражение привело к резне, во время которой в толпе был убит Рем. Более распространено, однако, предание, что Рем, смеясь над братом, перепрыгнул через новые стены; разгневанный этим Ромул убил его, сказав: «Так будет со всяким, кто перепрыгнет через мои стены». Таким образом, Ромул один завладел царством, а основанный город был назван именем основателя.

Прежде всего он укрепил Палатинский холм, на котором сам вырос. Священнодействия всем богам он установил по альбанскому ритуалу, Геркулесу же — по греческому, как это было положено Евандром. Рассказывают, что Геркулес, убив Гериона, пригнал в эти места удивительно красивых быков его и, переплыв вслед за стадом через Тибр, улегся на лугу, чтобы дать отдохнуть и покормиться на хорошей траве скоту, да и самому оправиться от усталости с дороги. Когда, отяжелев от пищи и вина, он заснул, живший в тех местах пастух по имени Как, страшной силы, плененный красотою быков, задумал присвоить себе их как добычу; но понимая, что если он прямо погонит скот в пещеру, то следы сами приведут туда хозяина, когда тот станет искать быков, Как перетаскал туда самых лучших из них за хвост. Проснувшись на заре, Геркулес обвел глазами стадо и, видя, что части его недостает, направился к ближайшей пещере посмотреть, не туда ли ведут следы; видя, однако, что все они направлены из пещеры и не идут никуда дальше, смущенный и в недоумении, он погнал стадо из этого злого места. Но когда некоторые коровы, уходя и тоскуя по оставшимся, начали, как это обыкновенно бывает, мычать, ответное мычание запертых в пещере заставило Геркулеса вернуться. Как пробовал загородить ему силой доступ в пещеру, но, пораженный палицей, пал, напрасно взывая о помощи к пастухам.

Царствовал тогда в этих местах, более опираясь на свое нравственное превосходство, чем на власть, Евандр, бежавший из Пелопоннеса; муж этот пользовался уважением за удивительные письма, неведомые грубым людям, а еще более вследствие веры в божественную силу его матери Кармен-ты, перед пророчествами которой преклонялись обитатели Италии еще до

прибытия туда Сивиллы. Этот-то Евандр встревожен был суетой пастухов, в страхе бегавших около чужестранца, явно виновного в убийстве. Узнав о преступлении и причине его и вида, что рост и вся внешность этого мужа значительно больше и внушительнее, чем у смертного, он спросил, что он за человек. Услышав имя его, его отца и отечество, он сказал: «Привет тебе, Геркулес, сын Юпитера! Мать моя, правдивая истолковательница воли богов, предсказала, что ты увеличишь число небожителей и что тебе будет здесь посвящен жертвенник и некогда могущественнейший народ на земле будет именоваться его Величайшим и поклоняться ему по обычаю, тобою установленному!» Подав правую руку, Геркулес сказал, что он принимает пророчество и готов исполнить волю судьбы, основав и посвятив жертвенник. Тут впервые принесена была в жертву Геркулесу избранная из стада корова; к участию в служении и пиршестве приглашены были Потиицы и Пинарии — как роды, пользовавшиеся тогда наибольшим почетом в тех местах. Случайно вышло, что Потиицы явились вовремя и им предложены были внутренности, Пинарии же успели к остальной части пира, когда внутренности были уже съедены. Отсюда сохранился обычай, что, пока существовал род Пинариев, они не ели внутренностей от праздничных жертв. Наученные Евандром Потиицы много веков были предстоятелями этих священнодействий, пока не исчез род их вследствие того, что это священное служение их было поручено общественным рабам. Это единственные священнодействия, которые перенял от чужестранцев Ромул, уже тогда почитатель прибретенного доблестью бессмертия, к которому вела его собственная его судьба.

8. Когда богопочитание было устроено надлежащим образом, то он, созвав собрание, дал толпе законы, так как ничем иным нельзя было сплотить ее в один народ. Полагая, однако, что законы только в том случае будут уважаемы поселянами, если внешние знаки власти внушат им почтение к нему самому, он возвысил себя в их глазах общей обстановкой и, главное, завел себе двенадцать ликторов. Некоторые полагают, что он выбрал это число, образуясь с числом птиц, которые предрекли ему царскую власть; я же склоняюсь к мнению тех, которые думают, что и служители этого рода, и число их заимствовано у соседей-этрусков, откуда взято и курульное кресло, и тога-претекста; а у этрусков было так установлено, потому что у них двенадцать племен сообща избирали царя и каждое племя давало по одному ликтору.

Между тем, с присоединением все новых и новых мест, укрепления города росли; но они возводились больше в расчете на будущий прирост населения, чем сообразно с тем, которое было тогда. А затем, чтобы большой город не оставался пустым, для увеличения населения открыто было убежище, которое находится за загородкой, если спускаться с Капитолия, и называется «*inter duos lucos*». Воспользовался Ромул при этом старым обычаем основателей городов, которые, привлекая к себе толпу темного и низкого происхождения, сочиняли потом, что народ родился у них из земли. Туда сбегался из соседних племен всякий сброд, без различия, свободные и рабы, желавшие перемены своего положения, и это было основой создаваемого величия. Когда уже не было недостатка в людях, он учреждает совет, избрав сто старейшин или потому, что считал это число достаточным, или потому, что было всего сто человек, которых можно было выбрать в «отцы». «Отцами»

12   они названы были, конечно, вследствие почета, которым пользовались, дети же их получили наименование «патриции».

9. Уже Рим окреп настолько, что мог помериться силами с любым из соседних государств; но за отсутствием женщин это могущество могло продолжиться лишь человеческий век, так как у них дома не было надежды на продолжение рода, не было и брачного союза с соседями. И вот, по совету отцов, Ромул отправил к соседним племенам послов просить союза и договора, обеспечивающего для нового народа право вступать в браки. «Города, — говорили они, — как и все остальное, возникают из ничтожества; затем кому помогает своя доблесть и боги, те приобретают великое могущество и великое имя. Нам достаточно известно, что и боги помогли возникновению Рима, и в доблести не будет недостатка. Итак, вы — люди — не гнушайтесь вступить в кровное родство с людьми!» Нигде послы не были выслушаны приветливо — так презирали их соседи и в то же время боялись за себя и потомство ввиду того, что среди них крепнет такая сила. Большинство отвергло их, спрашивая, отчего бы не открыть им убежища и для женщин — вот было бы как раз подходящее супружество!

Это очень оскорбило римскую молодежь, и дело явно стало клониться к насилию. Чтобы выбрать время и место к тому, Ромул, скрыв огорчение, преднамеренно затевает торжественные игры в честь Нептуна Конного и называет их Консуалиями. Затем приказывает объявить о предстоящем зрелище соседям и, чтобы придать ему блеск и интерес, он делает к играм роскошные приготовления, какие только были известны и возможны в то время. Сошлось много людей, желавших вместе с тем и посмотреть на новый город, преимущественно же соседи: жители Ценины, Крустумерии, Антемны; пришел и весь народ сабинский с женами и детьми. Радужно приглашенные по домам, ознакомившись с положением города, его стенами и многочисленными зданиями, они дивятся, что могущество римлян выросло в столь короткое время. Когда наступило время игр и взоры всех с напряженным вниманием были обращены туда, согласно уговору, произошло нападение: по данному знаку римские юноши бросаются в разные стороны похищать девушек. Большею частью хватали кому какая попадалась; но некоторых, выдававшихся красотой и предначиненных главнейшим из отцов, приносили в их дома простолюдины, которым было поручено это дело. Рассказывают, что одна девушка, далеко превосходившая всех красотой и фигурой, захвачена была шайкой некоего Талассия, и когда многие спрашивали, кому несут ее, то во избежание оскорбления ее много раз кричали: «Талассию!»; отсюда этот возглас вошел в употребление при свадьбах.

Вследствие происшедшей отсюда паники игры расстроились, и печальные родители девушек бежали, жалуясь на нарушение закона гостеприимства и зывая к богу, на торжественные игры которого они пришли, будучи безбожно и вероломно обмануты. Да и похищенные были также в отчаянии и не менее негодовали. Но сам Ромул обходил их и объяснял, что это произошло вследствие гордости их родителей, отказавших соседям в брачном договоре; тем не менее они, став законными супругами, будут участницами в имуществе, гражданских правах и, что всего дороже людям, будут иметь законных детей; пусть они только смягчат свой гнев и отдадут сердца свои тем, кому судьба отдала их тела. Часто из обиды со временем возникает рас-

положение, и они приобретут себе тем лучших мужей, что каждый со своей стороны, по мере сил своих, будет стараться, выполнив обязанности супруга, вознаградить их и за тоску по родителям и родине. Присоединялись сюда ласковые речи мужей, оправдывавших свой поступок страстной любовью, а для женщин это наиболее действительное средство.

10. Уже сердца похищенных были совсем смягчены, а родители их тем временем, в траурной одежде, слезно жалуясь, волновали общины; выражая свое негодование, они не ограничивались своими пределами, а стекались сами и присылали посольства отовсюду к сабинскому царю Титу Тацию, так как имя его пользовалось известностью в тех пределах. В числе обиженных были жители Ценины, Крустумерии и Антемн; считая Тита Тация и сабинян слишком медлительными, эти три народа сообща стали готовиться к войне; но и жителей Крустумерии и Антемн крайне раздраженные ценинцы признали недостаточно энергичными, и вот они одни нападают на римские пределы. Но Ромул с войском встречает их, когда они врассыпную производили опустошения, и в легкой стычке показывает им, что бессильный гнев ни к чему не ведет: войско их он рассеивает, обращает в бегство и преследует, царя их убивает в битве и снимает с него доспехи, а вследствие гибели неприятельского вождя и город берет при первом натиске.

Возвратившись домой с победоносным войском и будучи мужем столь же великим по своим подвигам, сколько любящим блеснуть ими, он повесил доспехи с убитого вражеского вождя на нарочно для того устроенные носилки и вступил на Капитолий; положив здесь их у дуба, чтимого пастухами, и принеся дары, он назначил место для храма Юпитера и дал богу новое прозвище. «Юпитер Феретрийский, — сказал он, — я, победоносный царь Ромул, приношу тебе это царское оружие и посвящаю храм в этих пределах, которые я мысленно только что обозначил, место для «тучных доспехов», которые, следуя моему примеру, будут приносить потомки, убив неприятельских царей и вождей». Таково происхождение первого храма, посвященного в Риме. Так затем судили боги, чтобы не напрасны были эти слова основателя храма, возвестившего, что потомки будут приносить сюда доспехи; но вместе с тем честь принесения этого дара не сделалась обычною, так как она выпала на долю немногих: в последующее время, в течение стольких лет и при столь большом числе войн, дважды только были приобретены «тучные доспехи» — так редко посылала судьба это отличие.

11. Тем временем полчища антемнян, пользуясь удобным случаем — отсутствием римского войска, напали на их пределы. Но и против них быстро приведено было римское войско и захватило их, когда они рыскали по полям. Вследствие этого при первом натиске, при первом крике неприятель бежал, а город был взят. Ромул торжествовал двойную победу, и жена его Герсилия, уступая просьбам похищенных, убеждает его простить их родителей и принять в число граждан, указывая, что так, путем соглашения, община может усилиться. Ромул легко склонился на ее просьбу. Затем он отправился на жителей Крустумерии, сделавших вражеское нападение. Тут борьба была еще короче, так как неприятели пали духом вследствие поражений, понесенных другими. В обе области были выведены колонии; так как Крустумерия была очень плодородна, то в те земли нашлось больше охотников; а оттуда многие переселились и в Рим, преимущественно из родителей и родственников похищенных.

14 Следующее нападение сделано было сабинянами, и оно было всех серьезнее. Они действовали не под влиянием раздражения и увлечения и объявили войну, лишь когда начали ее. К обдуманному плану присоединилось коварство. Начальником римской Крепости был Спурий Тарпей. Его дочь, девушку, Таций подкупил золотом, чтобы она впустила вооруженных в Крепость — она случайно пошла тогда за городские стены за водой для священнодействий. Войдя в Крепость, сабиняне забросали ее оружием, или с той целью, чтобы казалось, будто они силой заняли Крепость, или чтобы показать пример, что по отношению к предателю вовсе не обязательно держать слово. Присоединяют баснословный рассказ, будто она выговорила себе то, что они носят на левой руке, так как у всех сабинян на левой руке были тяжелые золотые браслеты и большие кольца с камнями; но они вместо даров из золота набросали ей щитов. Некоторые говорят, что она в условии передачи Крепости прямо требовала оружие, которое у них было в левой руке, вследствие чего была заподозрена в коварстве и умерщвлена тем, что сама себе выговорила как плату за услугу.

12. Так или иначе, но Крепость была в руках сабинян, и на следующий день, когда выстроившееся римское войско наполнило все пространство между Палатинским и Капитолийским холмами, они спустились на равнину лишь тогда, когда раздраженные римляне, горя желанием вернуть Крепость, пошли на приступ. И тут и там к битве поощряли вожди: со стороны сабинян — Меттий Курций, а со стороны римлян — Гостий Гостилий. Стоя в первом ряду, он своей бодростью и смелостью поддерживал римлян, хотя они занимали невыгодную позицию. Как только Гостий пал, римское войско тотчас дрогнуло и побежало по направлению к старым воротам Палатинского холма. Ромул, также увлекаемый толпою бегущих, подняв оружие к небу, воскликнул: «Юпитер! По приказанию посланных тобою птиц я положил здесь, на Палатинском холме, основание городу. И уже сабиняне, купив преступлением Крепость, владеют ею; отсюда с оружием в руках они стремятся сюда и уже перешли середину долины; но ты, отец богов и людей, хоть сюда не пусти врагов, освободи римлян от страха и останови позорное бегство. Здесь я посвящаю храм тебе, Юпитеру Статору, который да послужит на память потомству, что город спасен твоей явной помощью». Так, помолвившись и как бы чувствуя, что молитва его услышана, он сказал: «Отсюда, римляне, Юпитер Всеблагий Всемогущий приказывает остановиться и возобновить битву!» И римляне, точно по мановению небесного голоса, остановились; сам Ромул выбегает в первый ряд. Со стороны сабинян первым сбежал с Крепости Меттий Курций и гнал римлян по всему пространству, занятому теперь форумом. И уже он был недалеко от Палатинских ворот, крича: «Мы победители вероломных друзей и слабых врагов; теперь-то они знают, что одно — похищать девушек, а другое — сражаться с мужами!» Когда он так похвалялся, на него напал Ромул с горсткой самых отважных юношей. Случайно Меттий сражался в ту минуту, сидя на коне; тем легче было обратить его в бегство; римляне преследовали его. И другой отряд, воспламененный смелостью царя, рассеял сабинян. Меттий бросился в болото, так как конь его был перепуган шумом преследующего неприятеля; это обстоятельство — опасность столь важного лица — отвлекло и сабинян. И когда он, одобренный многочисленными знаками сочувствия и криками своих, выбрался, римляне и сабиняне среди

равнины, лежащей между двумя холмами, возобновляют битву. Но перевес был на стороне римлян.

13. Тогда сабинские женщины, из-за оскорбления которых началась война, победив под влиянием беды женский страх, с распущенными волосами, в растерзанной одежде, решились броситься меж летающих стрел и разнять сражающиеся войска, разнять раздраженных; взывая, с одной стороны, к отцам, с другой — к мужьям, они просили их не обагрять себя безбожно кровью, указывая им на то, что они тести и зятя, не осквернять потомков — одни внуков, другие детей — убийством кровных своих. «Если вы негодуете на свойство, если вы негодуете на брак, то обратите свой гнев на нас; мы — причина войны, мы — причина ран и смерти наших мужей и родителей; лучше нам погибнуть, чем жить без кого-нибудь из вас или вдовами или сиротами». Это тронуло и толпу, и вождей; сразу водворяется тишина и спокойствие; затем выходят вперед вожди для заключения договора; и не только заключается мир, но два государства соединяются в одно; царское достоинство делают общим и всю верховную власть сосредоточивают в Риме. Чтобы и за сабинянами осталось хоть что-нибудь, жители удвоившегося таким образом города получили название «квиритов» от имени города Куры. Памятником этой битвы осталось название Курциева озера за тем местом, где остановилась лошадь Курция, выбравшись из болота.

Неожиданное и радостное водворение мира после столь прискорбной войны сделало сабинянок еще более дорогими и мужьям, и родителям, и прежде всех самому Ромулу. Поэтому, разделяя народ на тридцать курий, он назвал их именами женщин. Относительно того нет известия, давалось ли право наименования курий женщинам по их возрасту, или по знатности их или мужей, или по жребию, так как несомненно, что число женщин было гораздо больше числа курий. В то же время были набраны и три центурии всадников: Рамны получили имя от Ромула, Тиции — от Тита Тация, причина же наименования и происхождения Луцеров неизвестна. С этого времени оба царя царствовали не только сообща, но и в согласии.

14. Несколько лет спустя родственники царя Тация прогнали послов лаврентских, и, когда лаврентийцы на основании международного права стали требовать удовлетворения, Таций отдал предпочтение расположению к своим и их просьбам. Вследствие этого наказание, следовавшее им, он обратил на себя: прибыв в Лавиний для торжественного жертвоприношения, он был убит напавшей на него толпой. Рассказывают, что Ромул отнесся к этому случаю более спокойно, чем следовало бы, или потому, что управление сообща включает в себе начало неверности, или потому, что считал это убийство совершенно справедливым. Итак, воздержавшись от войны, он, однако, возобновил договор между городами Римом и Лавинием, чтобы очистить народ, повинный в оскорблении послов и убиении царя.

Таким образом, с ними, сверх чаянья, сохранен был мир; но зато возникла другая война, много ближе, почти у самых ворот города. Фиденяне, руководясь мыслью, что слишком близко от них растет могущественное государство, поспешили начать войну, прежде чем сила его достигнет тех размеров, которых она, очевидно, должна была достичь. Посланы были вооруженные юноши, которые опустошили все пространство между городом и Фиденями; затем, так как справа мешал Тибр, то, повернув в левую сторону, они продол-